

ДИАЛЕКТИКА МИФА

Дроздов В.А., Поливанов Д.А.

Научный руководитель Кульбижеков В.Н.
Сибирский Федеральный Университет

В философии конца 19 - начала 20 века обострилась проблема диалектики мифа. Для многих философов начала XX века эта проблема определила их стремление разобраться в понятии мифа.

Именно в эту эпоху, в период перехода русскоязычной философии под власть идеологии, Лосев начинает создавать свою книгу “Диалектика мифа”. В философской концепции Лосева слился интерес к мифу как форме сознания и к мифологии как форме коммуникации с Богом.

В своем исследовании “Диалектика мифа” А. Ф. Лосев раскрывает понятие мифа, рассматривает структуру мифологии, отбрасывая любое предвзятое мировоззрение. Например, научное или религиозное. *“Миф должен быть взят как миф, без сведения его на то, что не есть он сам. Только имея такое чистое определение и описание мифа, можно приступить к объяснению его с той или иной гетерогенной точки зрения”*, - пишет Лосев.

Согласно Лосеву, миф - древнейшая форма освоения мира, обобщающая в одном слове множественные конкретности жизни, которую философ исследует последовательно диалектически: сначала через отграничение от близких, но все же иных категорий, затем - с точки зрения собственного смысла и внутренней формы. Постепенно отграничивая существо мифа от частично совпадающих с ним форм сознания и творчества (т.е. рассуждая о выдумке мифа, понятии мифа; сравнивая миф с наукой, метафизикой и поэзией), Лосев наводит читателя на понятие мифа, выражающееся в форме шести существенно-смысловых, феноменологических тезисах:

1. Миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел, но – логически, т.е., прежде всего, диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще.
2. Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность.
3. Миф не есть научное и, в частности, примитивно-научное построение, но – живое субъект-объектное взаимодействие, содержащее в себе свою собственную, венаучную, чисто мифическую же истинность, достоверность, принципиальную закономерность и структуру. *(но наука всегда мифологична)*
4. Миф не есть метафизическое построение, но – реально, вещественно и чувственно творимая действительность, являющаяся в то же время отрешенной от обычного хода явлений и, стало быть, содержащая в себе разную степень иерархичности, разную степень отрешенности.
5. Миф не есть ни схема, ни аллегория, но символ; и, уже будучи символом, он может содержать в себе схематические, аллегорические и жизненно-символические слои.
6. Миф не есть поэтическое произведение, но – отрешенность его есть возведение изолированных и абстрактно-выделенных вещей в интуитивно-инстинктивную и примитивно-биологически взаимно-относящуюся с человеческим субъектом сферу, где они объединяются в одно неразрывное, органически сросшееся единство. *(миф и поэзия различаются по характеру отрешенности)*

Автор приходит к выводу, что *“миф есть интеллигентно данный (3) символ (4–5) жизни (2, 6), необходимость которого диалектически очевидна (1), или – символически*

данная интеллигенция жизни”, или по-другому “*миф есть бытие личностное или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности*”.

Личность это прежде всего самосознание, противопоставляющее себя всему внешнему, что не есть она сама; это всегда вещественная осуществленность телесной интеллигенции и символа. То есть тело - основной способ выражения личности, проявление души человека. “*По манере говорить, по взгляду глаз, по складкам на лбу, по держанию рук и ног, по цвету кожи, по голосу, по форме ушей, не говоря уже о цельных поступках, я всегда могу узнать, что за личность передо мною*”.

Следовательно, можно с уверенностью сделать вывод о том, что всякая живая личность так или иначе мифична. Но возникает вопрос: вся ли личность целиком есть миф или, быть может, удобнее говорить о мифичности одного какого-нибудь момента личности? Ища ответ на этот вопрос, автор сравнивает, отграничивая при этом друг от друга, мифическую и религиозную личности.

Лосев считает, что между религией и мифом есть существенное различие и надо уметь его правильно сформулировать. Сходство заключается в том, что эти обе сферы есть личностное бытие, а самоутверждение этих личностей различается. В религии личность ищет утешения, оправдания, очищения и даже спасения, а также утверждения личности в вечности. В мифе личность стремится проявить себя, показать, что он из себя представляет, имеет какую-то историю. Можно сказать, миф – энергичное, феноменальное самоутверждение личности, независимо от проблемы взаимоотношения вечности и времени.

Так же автор поднимает довольно интересный вопрос: а возможна ли религия без мифа? Строго говоря, нет. Возможно, пост и всякое подвижничество не отражает в себе мифичность, но религия есть вид мифа, а именно мифическая жизнь, и притом мифическая жизнь ради самоутверждения в вечности.

Мы часто не видим мифа под системой рассуждения, имеющей всю видимость науки, научности и логической оправданности. Только потому не видно здесь мифа, что эти учения уже давным-давно получили форму *догмата*, а миф не есть догмат. Миф всегда личностен и историчен, догмат же живет абсолютизацией и логикой. Миф есть непосредственно воспринимаемое личностно-историческое бытие; догмат же всегда есть научно-диалектическая система или принцип ее.

Миф не есть догмат, но – история. Энергичное, смысловое или феноменальное проявление и становление бытия личностного в мифе есть становление *историческое*. “*Миф есть личностное бытие, данное исторически.*” Но он не есть историческое событие как таковое, он всегда есть слово. А в слове историческое событие возведено до степени самосознания. Этой установкой мы отвечаем на вторую из предложенных выше апорий (относительно формы проявления личности в мифе). Личность берется в мифе *исторически*, а из ее истории берется вся *словесная* стихия. Это и есть разъяснение того, как личность проявляет себя в мифе.

Миф есть чудо. Личность, история, слово – этот ряд понятий приводит нас к необходимости создать такую категорию, которая бы охватила сразу и этот ряд, и то самое “сверхъестественное”, “необыкновенное” (символические черты), охватила в одной неделимой точке так, чтобы и эта последняя, вся эта невещественная, неметафизическая, не-поэтическая, а чисто мифическая отрешенность объединилась бы в единый синтез с явленностью, с символом, с самосознанием личности, с историческим событием и с самим словом – этим началом и истоком самого самосознания. А это и есть понятие чуда.

Если миф – это чудо, то точка зрения о мифе и отношении мифа к прочим областям человеческого творчества предстает в новом свете, и всё то, что мы рассматривали, тоже предстает в новом свете, а именно:

- 1) Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность. Именно чудо есть то, что так подчеркивает телесную природу мифа, выхватывает ее из сферы обычной, ординарной телесности и, не лишая ее природы телесности (без телесности нет никакого мифа), делает ее какой-то особенно напряженной и углубленной.
- 2) Миф не есть наука, но жизнь, таящая в себе свою собственную мифическую истинность и смысловую структуру. Но в основе чего лежала истина этого суждения? Миф, несомненно, живет каким-то своим собственным пониманием истины; и заключается она в установлении степени соответствия текущей эмпирии личности с ее идеально-первозданной нетронутостью. Это – вполне ясно отличимая от всякой иной истинности чисто мифическая истинность. В основе ее лежит истина чуда.
- 3) Миф не есть ни схема, ни аллегория, но символ. Различие заключается в том, что появляется символ четвертой степени. Во-первых, он есть символ в меру того, что он есть просто *вещь* или *существо*. Во-вторых, миф есть символ в меру того, что он есть *личность*. В-третьих, мифический символ есть символ в меру того, что он есть *история*, так как мы имеем тут дело не просто с личностью, но с ее эмпирическим становлением. В-четвертых, мифический символ есть символ в меру своей *чудесности*.
- 4) Миф не есть поэтическое произведение, и отрешенность его не имеет ничего общего с отрешенностью поэтического образа. Поэтический образ не есть символ в четвертом смысле, во всех же остальных смыслах он вполне одинаков с образом мифическим. Художественное произведение есть телесное и в фактах данное произведение *чувственности* чудесного. Миф же есть телесное и в фактах данное произведение *самого чудесного*, чудесного как реального факта, а не как той или иной интеллигентной модификации.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что *миф есть в словах данная чудесная личностная история*. В данной формуле четыре члена: 1) личность, 2) история, 3) чудо, 4) слово. Но ведь в языке нет такой категории, которая бы охватила все эти четыре величины, поэтому Лосев, желая «извлечь еще одну диалектическую выгоду», формулирует такую категорию сам: *миф есть развернутое магическое имя*. В результате получилось два довольно простых и элегантных определения мифа, которые учитывают в себе всю его многогранность. Они и есть «окончательная сердцевина мифа».

Список Литературы:

- 1) Лосев Алексей Федорович.-«Диалектика мифа» - Издательство "Правда", 1990 г.
- 2) Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллиг.-«Философия искусства»-Издательство "Мысль", 1966г.
- 3) Кассирер Эрнст.-«Философия символических форм» - Издательство "Университетская книга", 2001 г.